

Цзян Тан вдруг вспомнил: когда они только выбрались из ущелья Тяньбэй и вместе с Фу Линцзюнем пришли в область Цянькунь, в чайной как раз обсуждали, что великий демон Фу Шэн из Гуанлина прорвал печать и вырвался наружу.

И ругали там не только Фу Линцзюня, но и его отца, Фу Юэбая.

Слов в точности Цзян Тан уже не помнил, но смутно вспоминал: тогда говорили, что Фу Юэбай когда-то тоже был знаменитым гением, наряду с Цзян Чаньюанем. В юности они дружили, оба считались людьми благородными и безупречными, и добрая слава о них расходилась по всему Предулу Люхэ. А потом Цзян Чаньюань первым прорвался в область святого, Фу Юэбай стал завидовать и мало-помалу отдалился от него.

Раньше Цзян Тан думал лишь о том, что сплетничать за спиной о других — просто мерзко. Но сейчас, вспоминая всё это, вдруг наткнулся на одну странность, которая стоила внимания.

Почему Фу Юэбай отдалился от Цзян Чаньюаня именно тогда, когда тот прорвался в область святого?

Прямые потомки рода Фу из Гуанлина рождаются с Истинным Духовным Пламенем, которое хранит душу в целости. Если бы Фу Юэбай просто спокойно культивировал, прорваться в область святого было бы для него лишь вопросом времени. С чего бы ему завидовать человеку, которому ради разрушения демона пришлось бы пройти через немыслимые трудности?

В самом этом рассказе с самого начала сидело противоречие. Но неужели за всё это время никто ни разу даже немного не усомнился?

Картина в водяном зеркале замерцала, будто стала нестабильной.

Искажённое лицо Цзян Чаньюаня окончательно разодрало в клочья тот благородный, почти святой облик, который был у него прежде. Его бледная рука резко метнулась к стоявшему на коленях Ци Е и одним движением подняла его в воздух, сжимая горло так, словно хотела тут же его переломить.

— Нечисто, нечисто! — красные прожилки в глазах Цзян Чаньюаня становились всё гуще. — Сколько раз я говорил: ещё раз принесёшь мне такую дрянь, чтобы отделаться, — жить тебе надоело?!

Ци Е висел у него в руке над полом. Лицо от удушья уже налилось багрово-фиолетовым, глаза выпучились, всё тело дёргалось. Ответить он, конечно, уже не мог — казалось, в следующий миг он и правда отправится на тот свет.

Ноги у него несколько раз судорожно дёрнулись в воздухе — с каждым разом всё слабее.

— Кх... — Ци Е решил, что сейчас умрёт.

Но не умер. Рука Цзян Чаньюаня вдруг разжалась, и Ци Е с грохотом рухнул на пол.

Он несколько раз дёрнулся, как умирающий, и только потом из горла вырвался хриплый всхлип. Обеими руками он вцепился себе в шею и свернулся в комок.

— П-пощадите... — в его сорванном голосе было всё: и ужас перед смертью, и судорожная жажда жить.

Похоже, обезумевший Цзян Чаньюань слегка пришёл в себя. Тяжело дыша, он зло крикнул:

— Хватит! В последнее время Хуай Шоусинь уже нашёл несколько мест, где мы собирали иньские души. Если убить его, кем ты собираешься его заменить?

А затем бровь у него дёрнулась вверх, и голос стал высокомерным и заносчивым:

— Разве ты не владыка области Цянькунь, которого весь Предел Люхэ почтительно зовёт святым даосов? И ты так цепляешься за эту тварь, которая даже до ступени мастера Дао не дотягивает, будто за сокровище?

Лицо Цзян Чаньюаня потемнело. Он поджал губы:

— Сун Юнчжэн мёртв. Ци Юаньлан тоже мёртв. Где ты хочешь, чтобы я за такой короткий срок нашёл подходящую замену? Или ты намерен выставить на всеобщее обозрение, что в моём теле ещё скрывается внутренний демон, которого нужно без конца кормить?

Он умолк на миг, потом зло усмехнулся:

— Внутренний демон? А кто тогда пользовался мной, чтобы ускорять собственную культивацию? Крылья отросли — и теперь хочешь одним пинком от меня избавиться? Думаешь, так просто? Столько лет прошло, а ты до сих пор даже приличное тело мне не нашёл?

Судя по всему, Цзян Чаньюань уже почти готов был сцепиться с тем, кто жил внутри него, когда снаружи донесли шаги.

Он убрал барьер вокруг маленького двора, и тут у двери кто-то остановился и трижды тихо постучал.

— Чанъюань, ты в порядке?

Это был голос Янь Цунси.

Внутренний демон, который только что надменно размахивал хвостом, уже хотел было заговорить, но на этом жутком лице одно за другим промелькнули несколько странных выражений. Наконец Цзян Чанъюань глубоко вдохнул, и на лбу у него выступил мелкий холодный пот.

Когда он заговорил, голос снова стал тем самым — мягким, каким Цзян Чанъюань говорил всегда:

— Всё в порядке.

Только на этот раз в нём слышалась дрожь.

Янь Цунси уловил эту слабость и встревоженно сказал:

— Не упрямясь. Три кары молнией — это не шутка. Позволь мне помочь тебе.

Внутри ненадолго стало тихо.

— Не нужно. Я просто немного приведу дыхание в порядок, — грудь Цзян Чанъюаня несколько раз тяжело поднялась и опустилась, а затем он наконец подавил тот убийственный порыв в сердце. — Не беспокойся обо мне.

Цзян Чанъюань явно не хотел подпускать его ближе. Янь Цунси ещё долго стоял у двери, а потом лишь поставил на землю белый нефритовый пузырьёк:

— Не забудь выпить.

Когда Янь Цунси ушёл, Цзян Чанъюань бессильно откинулся на спинку кресла. Несколько секунд он просто сидел с открытыми глазами, глядя в пустоту, и та сводящая с ума дрожь в нём наконец стала понемногу спадать.

В воздухе стоял очень слабый аромат.

После трёх кар молнией внутренний демон в Цзян Чанъюане уже почти перестал поддаваться давлению. Когда Ци Е вошёл, он думал только о том, как бы поскорее поглотить иньские души и придавить эту бурю внутри. Но теперь, когда он пришёл в себя, этот тонкий запах вдруг показался ему слишком неуместным.

Весь в поту, Цзян Чаньюань резко вскочил с кресла и подошёл к лежавшему на полу Ци Е.

Стоило приблизиться — и этот едва заметный запах тут же ударил ему в нос с его одежды.

Во взгляде Цзян Чаньюаня недоумение сменилось потрясением, а затем лицо его резко изменилось!

Практически в ту же секунду водяное зеркало в руке Фу Линцзюня с треском разлетелось. Мощная сила души, пройдя по следу разбитого заклятия, рванула к Фу Линцзюню. Порыв ветра почти скользнул по его лицу — и на бледной щеке тотчас появилась багровая рана. Несколько прядей волос тоже были срезаны и медленно поплыли по воздуху.

Фу Линцзюнь и так ожидал, что его уловку раскроют.

Он воспользовался этой карой молнией, чтобы взбудоражить внутреннего демона Цзян Чаньюаня, лишь затем, чтобы проверить, верны ли его догадки.

За осколками, которые он подбирал по дороге, скрывалась правда, от которой становилось тошно, — и добыча оказалась даже богаче, чем он предполагал.

Но стоило ему обернуться, как он столкнулся взглядом с огромными влажными глазами Цзян Тана.

В них отражались не только ослепительные фейерверки, расцветавшие в небе над областью Цянькунь, но и живая, прозрачная влага, похожая на звёздный свет.

— Лекарство! — Цзян Тан протянул к нему руку, требуя что-то дать.

Фу Линцзюнь машинально коснулся лица. На бледных пальцах осталась кровь.

Красная.

Такая, к какой он привык уже бессчётное количество раз.

— Не нужно. — Он потянулся взять Цзян Тана за руку. — Боюсь, Цзян Чаньюань теперь этой ночью уже не уснёт. Вернёмся, посмотрим.

Но мягкую ладонь он так и не взял — по руке ему звонко шлёпнули. В ночи этот звук прозвучал особенно отчётливо.

— Лекарство! Дай мне! — повторил Цзян Тан.

А потом, будто ждать уже не мог, сам полез к его жемчужине Нахай на пояс.

В жемчужине Нахай Фу Линцзюня было всё: мечи и клинки для убийства, защитные артефакты, несметные духовные камни, дорогие драгоценности, одежда и обувь Цзян Тана... И только лекарства не было.

Увидев взгляд Цзян Тана, Фу Линцзюнь вдруг слегка смутился. Он поджал губы:

— Нет.

Цзян Тан тут же, по инерции, собрался было податься вперёд и поцеловать его в щёку, но Фу Линцзюнь вовремя остановил его.

— Тогда... купим! — Цзян Тан больше не хотел смотреть никакие фейерверки. Схватив Фу Линцзюня за руку, он потянул его вниз, собираясь прыгнуть с крыши.

Павильон Шаньхай был высотой в девять этажей, но он и сам не понял, откуда в нём взялась такая сила: он и правда едва не сдёрнул Фу Линцзюня с места.

Фу Линцзюнь понял, что тот говорит совершенно серьёзно, и, опасаясь, как бы Цзян Тан в самом деле не сиганул вниз с крыши, обнял его за талию. В следующий миг они уже бесшумно скользнули в толпу.

Так что в эту ночь по области Цянькунь разгуливали двое крайне неуместных гостей.

Один — с лицом, залитым кровью, на редкость пугающий.

Второй — с деньгами наперевес, швыряющийся серебром и даже не берущий сдачу, прошёл от одного конца длинной улицы до другого, лишь бы купить лучшую мазь для наружного применения.

И даже когда её наконец нашли, Цзян Тан всё ещё сердился. Он держал в руке белую фарфоровую баночку, вытирал пальцы, зачерпывал мазь и осторожно накладывал её на рану на лице Фу Линцзюня.

Рана была глубокой.

Сначала это была лишь тонкая царапина, но затем остаточная сила чужой души медленно просочилась внутрь и прорезала плоть ещё глубже.

Цзян Тан никак не ожидал, что Цзян Чаньюань сумеет по обратному следу заклęcia ответить

ударом и оставить на лице Фу Линцзюня такую страшную рану.

Из-за того что кожа у Фу Линцзюня была слишком белой, ранения на нём смотрелись особенно жутко. Его раны вообще заживали плохо. Кровь тяжёлыми каплями выступала из разошедшейся плоти, стекала по щеке, добиралась до шеи и уходила под одежду.

Кап... кап...

Кровь сливалась уже не в капли, а в струйку. Прошло столько времени, а рана всё равно будто не умела затягиваться.

Цзян Тан наложил сверху густой слой мази, но кровь быстро пропитала её насквозь и снова поползла вниз.

— На мне такие лекарства не работают, — глядя на его приблизившееся лицо, Фу Линцзюнь ещё и нашёл в себе силы пошутить. — Зато пахнет приятно.

В глазах у Цзян Тана блеснула влага.

— Замолчи!

Фу Линцзюнь чувствовал, как по щеке размазывают тяжёлую холодную мазь, а потом горячая боль в ране снова выталкивает её наружу.

— Не нужно так возиться, — сказал он ещё раз.

И тут же снова получил сердитый взгляд.

Фу Линцзюнь: ...

Хотя этот сердитый взгляд со стороны юноши трудно было назвать хоть сколько-нибудь грозным, Фу Линцзюнь почему-то не смог продолжить возражать.

Цзян Тан снова набрал мазь. Один раз не помогает — значит два. Два не помогает — значит три. Он уже почти вымазал всю баночку, прежде чем кровь наконец более-менее остановилась.

Пальцы Цзян Тана дрогнули.

Он поджал губы и ещё раз зло глянул на Фу Линцзюня:

— Так тебе и надо! Хоть до смерти болит — и ладно!

С этими словами он швырнул баночку с мазью Фу Линцзюню на колени, обиженно фыркнул и отвернулся. Белая мазь брызнула на чёрную одежду, разбросав по ней светлые пятна, и всё сразу стало выглядеть до смешного неряшливо.

Фу Линцзюнь моргнул.

Он знал, что Цзян Тан злится.

Но он совершенно отчётливо видел и другое: душа у того отливала тоскливым серо-голубым.

Цзян Тан грустил из-за него. Грустил потому, что он ранен.

Фу Линцзюнь был нечистью, не знающей боли, и за плечами у него стояло страдание, тяжёлое, как море крови. Ещё никогда никому не было важно, больно ему или нет.

Рана на щеке не затягивалась, но холодная мазь понемногу начала действовать, и жгучая боль слегка отступила.

Он ничего не сказал.

Цзян Тан тоже молчал.

Фейерверки над областью Цянькунь всё так же расцветали, вокруг шумела толпа, и ночь оставалась шумной и весёлой.

Цзян Тан ещё долго сидел к нему спиной, а потом воинственно заявил:

— С этого дня надо купить очень много лекарств!

Через некоторое время сзади донеслось тихое:

— Угу.

— Если ранишься, мазать обязательно! — добавил Цзян Тан.

— Угу.

Цзян Тан ещё посидел немного в своём тягостном настроении, только всё больше убеждаясь, что Фу Линцзюнь совершенно не умеет жалеть самого себя: ранен — и пусть кровь себе течёт, будто ему вообще всё равно. Именно это безразличие и злило сильнее всего.

Как будто однажды, даже оказавшись перед смертью, он встретит её с точно таким же безразличием.

Цзян Тану это не нравилось.

Очень, очень не нравилось.

А потом кто-то вдруг потянул его за край одежды.

Цзян Тан не обернулся.

Тогда его взяли за руку.

— Больно, — сказал Фу Линцзюнь.

И сердце у Цзян Тана в ту же секунду размякло.

Он всё-таки обернулся и сердито глянул на Фу Линцзюня, надутый, как рассерженная рыба-ёж.

А потом наклонился ближе и осторожно подул ему на щёку.

<http://bllate.org/book/17032/1645095>